

18+

НИКОЛАЙ КРАВЦОВ

Молчание сулугуни

РАССКАЗЫ

Николай Александрович Кравцов

Молчание сулугуни. Рассказы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73385818

ISBN 9785006928251

Аннотация

Пора рассказать о том, что сыр может стать лучшим другом. И о том, что может случиться, если умеешь вселяться в чужие тела. И о многом другом. Одним словом – сборник для любого настроения. Есть чему посмеяться, о чём погрустить и чему удивиться.

Содержание

Пять рублей решают всё	5
Человек-вертолёт	52
Глава 1	53
Глава 2	55
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Молчание сулугуни

Рассказы

Николай
Александрович Кравцов

© Николай Александрович Кравцов, 2026

ISBN 978-5-0069-2825-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пять рублей решают всё

Отец умер неожиданно, даже трогательно. Как всегда после завтрака курил у окна, любуясь октябрьской листвой во дворе. Совсем не обращал внимания на холодный ветерок из форточки, игравший с его седой чёлкой. Вдруг присел на табурет и с растерянным лицом тяжело вздохнул.

– Да, ну, ладно!... – непонятно, кому это было сказано: себе, Богу, или сыну.

Сигарета упала на пол. Глаза обесмыслились. Глухой удар рухнувшего тела и резкий стук опрокинутой табуретки. Вершинин старший лежит с открытыми глазами в картинно красивой и тоже в чём-то очень трогательной позе. Господин ректор скончался. Младший Вершинин был так поражён этим тихим и быстрым уходом, что даже не заплакал, хотя отец был лучшим другом и вообще единственным близким человеком. Вершинин закрыл усопшему глаза. На полу дымится сигарета. Зачем то непременно захотелось докурить её. «То, что отцы не допели, мы допоём! То, что отцы не достроили – мы достроим!» – совсем уж издевательски мелькнуло в голове. Надо было звонить в ректорат и огорошивать дружный коллектив.

Похорон Вершинин не любил, и то, что все хлопоты по организации взяли на себя университет и городское начальство, пришлось по душе. Как водится, по смерти большо-

го человека, всё получилось раздражающе пафосно и растянуто. Панихида в заполненном кафедральном соборе. Бесконечные речи у свежевырытой могилы на Аллее Почёта – с неизменным соблюдением табели о рангах. До тошноты знакомая казённая лирика с поправкой на «масштаб личности». Поминки в банкетном зале Оперы – с руководством университета, и, уж конечно, не без областных и городских шишек. Вершинин томился. Неприятно видеть раскормленные физиономии, скорбно вспоминаящие об исключительных человеческих качествах покойного, в деталях, странных для людей, мало его знавших. Ещё противней, что коллеги, не очень любившие безвременно ушедшего ректора, интриговавшие все девять лет его правления и метившие на ректорское кресло, вдруг ощутили невыносимую тоску по светлой улыбке и чарующей манере вести беседу.

«Вселиться бы в вас, мерзавцы, и озвучить то, что вы думаете на самом деле!» – подумал Вершинин после очередной порции официозных соплей, – «Как в той книге...»

Удивительно, что вспомнил о книге... Вроде, давнее дело и пустяшное.

Лет десять тому – стажировка в Париже. Французский коллега, истовый католик, уши прожужжал книгами Аббата Жюлио. Концепция даже заинтересовала Вершинина. Правильный подбор молитв, формул обращения к Богу и ри-

сунков на пергаменте могут гарантировать исполнение прошений лучше, чем бытовое, любительское богопросительство. Однажды, как нарочно, проходил мимо книжной лавки, где это продавалось. Задержался у витрины. Чепуха, конечно, но на всякий случай можно купить, как обереги. Зашёл внутрь. Видимо-невидимо свечей, крестов, медальонов, и конечно – книг. Все труды Аббата Жюлио в наличии. Вершинин выбрал краткий сборник молитв на все случаи, руководство по грамотному чтению псалмов на разную потребу, и зачем-то толстенную книгу экзорцизмов и молитв на пергаменте. Собрался было расплатиться и уйти, как вдруг приметил тонкую книжицу, скорее брошюрку. «Техника введения в одержимость». Имя автора ничего не говорит. Полистал. Редкостная чушь. Но именно поэтому прибавил ее к стопке покупок.

В съёмной квартире не удержался, полистал. Репринт скучной работы доморощенного мистика конца девятнадцатого века. Автор утверждает, что после серии упорных тренировок, можно научиться выходить из своего тела, и занимать на время тела других, делая их «одержимыми собой». Список упражнений занимал большую часть объёма, был педантичен, скучен и напоминал дешёвые пособия по технике гипноза, или медитации. Автор не забыл предусмотрительно заметить, что овладение техникой требует упорной многолетней и ежедневной подготовки. Перерыв на пару дней чреват обнулением достигнутых результатов. В общем, как мог,

подстраховался от обвинений в бесполезности сочинения. Была и вишенка на скучном торте. «Чудесно одарённые природой и Богом» люди, которых в мире единицы, оказывается, могут овладеть искусством введения в одержимость сходу, безо всяких тренировок. Вершинин не выдержал. Швырнул брошюру в чемодан, куда складывал то, что точно не понадобится до возвращения в Россию. А по приезде, не задумываясь, забросил на дальнюю полку и позабыл.

После отцовских сороковин книжка попала на глаза. Миновало отупение и хотелось что-то делать. Решил разобрать книги и выбросить принципиально ненужные. Алёна дремала в кресле-качалке, расставшись с надеждой на проявление мужского интереса. Вершинин поглядывал на неё. Яркая, русая, с очаровательными губками; не вполне в его вкусе: чуть склонна к полноте, но держит себя в форме. В хорошем настроении изумительно красиво смеётся, любит подурачиться. В плохом может быть склочной до невыносимости. Нет, всё-таки красotka. В последнее время стали часто бывать вместе. Алёнка ещё официально не развелась, но семья – уже формальность. Раньше ночевали в недорогих гостиницах – папа барышню категорически не одобрял, и видеть не желал. Теперь можно. Покойник был, конечно, прав – простовата, нагловата... Но сейчас самое оно! Браком не грезит, детей не планирует, на шесть лет младше. И великолеп-

ная любовница. Вообще, у неё моторчик в попе! Вершинин всегда поражался тому, как у Алёны получается ночи напролёт проводить в сексуальных излишествах, не без возлияний, просыпаться рано, как ни в чём не бывало и весь день заниматься бесчисленными проектами, не уставая. Хваткая. Три образования – экономист, юрист, психолог. Всё время что-нибудь придумывает. Одни проекты лопаются сразу, а другие дают заметный быстрый доход. Каким-то чудом успела к разводу накопить на квартиру. Пусть стройвариант, но в хорошем районе. И главное – никаких обязательств. Отец ненароком привил Вершинину скептицизм в отношении брака. Не смог простить жену-кукушку. Был третьим мужем. Звезда местной оперетты лишь ему позволила произвести с ней потомство, но как только мальчишке стукнул годик, исчезла. Одни уверяли, что видели её на светских раутах в Москве, другие убеждённо говорили, что встречали совершенно опустившуюся и увядшую на Брайтоне. Обоим Вершининым это было давно безразлично.

Брошюрка совершенно неожиданно обнаружилась за задним рядом книг. Вспоминая милый летний день, когда ее купил, Вершинин не без приятной ностальгии закурил. Листая, удивился, что помнит суть. Выбросить с прочим хламом! Собирался было положить в стопку на выброс, как вдруг осенила забавная идея: не убедиться ли напоследок, что он точно не относится к «людям, чудесно одарённым природой и Богом»? Смешно, конечно, но чем не передышка перед

ещё парой шкафов?

Вершинин лукаво подмигнул спящей Алёне. Так. В чём механика процесса? Улыбнулся. Вытянувшись на диване сделал три глубоких вдоха. Надо сконцентрироваться.

Перед глазами мелькнуло белое марево. Лёгкий шум в ушах. Вершинин почувствовал, что на нём нет брюк. Как и трусов. Что-то непривычно щекочет шею. Русые длинные волосы. Он уютно полулежал в кресле-качалке в коротком прозрачном халатике. Почему-то даже не удивился. Знакомыми мягкими пальцами коснулся знакомой щеки. До оторопи необычное ощущение! Задумавшись о том, что делать дальше, пошевелил изящными пальчиками на ножках. Вскочил и пулей – к дивану.

Картина ещё та: смотреть на себя со стороны жутко, тем более, на неподвижного и странно тихого. Вершинин с нарастающей тревогой коснулся тела, вытянувшегося на диване, испытал непонятную брезгливость. Взял себя в руки. Надо проверить пульс у того, диванного Вершинина. Пульс на удивление ровный и спокойный. Как и дыхание. Стало легче.

Побрёл на кухню, где Алёна оставила сигареты. Закурил. Вкус оказался на удивление приятным. Совсем не так, как бывало, когда раньше пробовал эти слабенькие макаронки. Сообразил: организм привык, воспринимает, как свои. По-

веселев, отправился в ванную комнату, приятно шлёпая босыми ногами. Возле большого зеркала настроение стало игривым. Распахнул халатик. Алёнка!... Не удержавшись, потерял соски, испытал, скорее дискомфорт, чем удовольствие (И что она в этом находит?). Потом ход мыслей стал и вовсе хулиганским: не узнать ли больше об ощущениях женщины? Но благоразумие шепнуло, что для первого эксперимента достаточно. Редко его слушавшийся Вершинин, на сей раз проявил странную покорность. Запахнув халатик, вернулся в комнату. Диванный Вершинин по-прежнему прекрасно выглядел и ровно дышал. Пора заканчивать! Сел в калачку, устроился уютней. Три глубоких вдоха. Концентрация. Белое марево. Лёгкий шум в ушах. Он на диване. В брюках. Настроение и самочувствие – прекрасные. Приподнял голову. Алёна мирно посапывает в кресле. Ну, дела!...

Шкафами заниматься было уже невозможно. Через четверть часа растолкал подругу. Не похоже, что она почувствовала что-то необычное. Вершинин вновь испытал азарт, и когда Алёна отправилась на кухню покурить, быстро растянулся на диване.

Он в халатике на кухне с зажжённой тонкой сигаретой... Докурил. Окурок – в мусорник, для конспирации. Концентрация... Диван. Шлёпанье босых ножек по паркету. «Зай, представляешь, забыла, зачем ходила на кухню!».

Всё, похоже, проще и веселее, чем кажется!

Несколько дней Вершинин внимательно изучал книжку. Обнаружились интересные подробности. Чтобы перенестись в другое тело, необходимо сконцентрироваться на конкретном человеке. Непременное условие: знать, где находится. Ну, это пустяки! Вторая манипуляция сложнее. Можно представить себе не человека, а место, и перенесшись туда, немедленно выбрать одно из тел, иначе тут же вернёшься обратно. Сложнее, но освоим! Своё тело желательно покидать лёжа, но не обязательно. Что важно, всегда оставлять в безопасности и ненадолго, во избежание непредвиденных ситуаций. Ещё момент. Перебравшись в другое тело, нельзя из него попасть в третье. Это ограничивало фантазию, но чудеса и так слишком хороши, чтобы придирааться.

Фантазия разгоралась не по дням, а по часам! Увлекающемуся и склонному к приключениям, весёлому, несмотря на прибавляющуюся с годами меланхолию и любящему розыгрыши и баловство Вершинину стоило громадных усилий удержаться от немедленного продолжения. Прежде всего – знать основные положения книги от корки до корки. Потом – решить чего хочется и хочется ли в принципе. Если да – тщательно спланировать и подобрать время и место. Иначе – ни в коем случае! Не с самокатом, чай балуемся.

Да и было о чём подумать, кроме свалившихся на голову чудесных возможностей. Первые недели после смерти отца коллеги поглядывали с искренним сочувствием. Потом ста-

ли смотреть спокойно. Вроде бы, нормально. Но Вершинину показалось, что слишком равнодушно и неприязненно поглядывают, не так, как год назад. Впрочем, и это было объяснимым. Вершинина любили. Но ректорский сын, или, если угодно, «сын» — всегда повод для пересудов и зависти. Знали, что старик Вершинин сына не баловал сверх меры, не пробивал должностей и протекций. Но и без этого палки в колёса вставлять не смели. А это уже повод завидовать. Потом, и не бедствовали Вершинины. Баловались вкусами и долгими поездками в Европу летом. Сначала Вершинин списывал ощущения на мнительность. Позже стало ясно, что они реальны. Коллеги, что раньше неизменно встречали криком: «Какие люди и без охраны!», теперь молча жали руку. Завкафедрой перешёл с ласкового «Мишенька» на вежливое «Михаил Сергеевич». Стал чаще придирается, прерывать. Так проходит мирская слава...

На кафедре истории философии привычно спокойно. Возле компьютерного столика сосредоточенно сопит беременная лаборантка Катя. Над широким столом державно возвышается заведующий, Алексей Алексеевич Давыдов, шикарный, рослый, заметно располневший с годами, потерявший половину курчавых волос, основательный, апоплексически румяный.

– Михаил Сергеевич... – он без энтузиазма махнул Вер-

шинину рукой, – Добрый денёк!

– Добрый день! – отозвался разматывающий длинный шарф Вершинин.

– Вы, Михаил Сергеевич, очень кстати! Давно хотел с вами поговорить. У вас, я полагаю, методичка уже года два, как без изменений и дополнений? Нехорошо это! Вы уж, будьте любезны освежить!

«Освежить! – мысленно передразнил Вершинин, – придирается, старый носорог! Знает ведь, что у меня сплошь греки да римляне! Ни менять, ни освежать нечего!». Вслух не возразил. Давыдов этого не любит, и сам не склонен к пререканиям с вышестоящими.

– Всенепременно! – не глядя на шефа, проговорил Вершинин, – Мне понадобится пара дней.

– Вот и славно! – Давыдов удовлетворенно кивнул, – Катюша сейчас сделает вам распечатку с новыми требованиями.

Доктор философских наук, профессор Давыдов – мужик основательный. Советского разлива. Виртуозно сделал карьеру. Ещё аспирантом женился по расчёту. Жена – некрасивая умная дочка большого начальника. С самого начала понимала, что адюльтеров не миновать и мудро их благословила на классическом условии «чтобы я ничего не знала». Любивший дам и любимый ими Давыдов соблюдал правила неукоснительно и позволял себе охоты только во время командировок супруги. Причём отправлялся охотиться

на чужую территорию, принципиально никого не приглашая домой. Отношения, построенные на расчёте, быстро давали плоды. Супруги, эгоисты и карьеристы до кончиков пальцев, решили жить в своё удовольствие и детишек не завели. С годами брак укрепился искренней дружбой.

Профессор и сам не в грязь лицом. В советские годы сделал имя и репутацию, посвятив вдохновение марксистско-ленинской диалектике. В каждой строчке о классиках светился почти эротический экстаз, переданный с такой простодушной искренностью, что труды невозможно было не похвалить. Правочерность чуть не стоила проблем в трудные девяностые. Но Давыдов быстро сориентировался: «ни в коей мере не отказываясь от признания выдающейся роли марксистской философии», он, тем не менее, начал обнаруживать положительные черты деконструктивизма, а Деррида стал главным источником цитат, вытеснив бедолагу-Маркса. Слава учёного, «мыслящего широко», прилипла быстро, и, собственно, привела на должность заведующего. А после того, как верная жена и товарищ, Арина Николаевна, получила отличное местечко в аппарате губернатора, можно было жить совсем спокойно и широко.

Раздосадованный разговором, Вершинин побрёл на лекцию. Прочитал вяло, без огонька, хотя имел репутацию неплохого лектора. После лекции на кафедре уже никого. Быстро одевшись, спешно засеменял вниз по парадной лестнице. На пролёте второго этажа ещё одно огорчение: доцент

Петренко, собственной персоной. С превосходством улыбаясь, тот пробасил:

– Рад видеть, рад видеть! – и, не дожидаясь ответа, добавил: – Что-то, голубчик, давно не видел ваших новых работ! Мало, мало работаете! Теперь опереться не на кого. Самому надо реноме зарабатывать! Послушайте совета: пашите, как вол, и будет результат!

Очень довольный собой, продолжил подниматься.

Вот это – хуже некуда! От кого угодно Вершинин стерпел бы проявление высокомерия, но не от недоумка Петренко! Домой вернулся злой, как чёрт. Благо, идти было не долго: ректор озаботился о том, чтобы жить с сыном ближе к университету. С раздражением закурив, Вершинин автоматически взглянул на часы. Без пятнадцати два. Отчего-то подумал о том, что Петренко сейчас читает в главном амфитеатре скучнейшую лекцию по этике...

Планов не было, но уже от сознания, что можно сотворить самую восхитительную шкочу из всех возможных, стало смешно. Теперь уж удержаться не было сил! Сардонически улыбаясь, Вершинин прилёг на диван. Предельная концентрация... Аудитория. Студенты в анабиозе от чудовищной смеси Лейбница, Канта и личных банальностей Петра Никитовича Петренко...

Когда Вершинин решился пошалить по полной, Петрен-

ко чувствовал изумительнейший прилив своей значимости. Хотя, когда он его не чувствовал? Доцент всегда подышал от желания войти в историю мировой науки. Старался, как раб галерный. Кандидатскую защитил через год после поступления в аспирантуру. Жестоко прищпорил научного пегаса и принялся за «плодовитое творчество». Выяснилось, что своих идей нет. Но это не смущало. Петр Никитович выработал оригинальный творческий метод.

Попадается, к примеру, абзац из Ницше: «Нет более опасного заблуждения, чем смешивать следствие с причиной: я называю его подлинной испорченностью разума. Тем не менее, это заблуждение принадлежит к числу древнейших и позднейших привычек человечества: оно даже освящено у нас, оно носит название «религии-морали».

Попыхтит Петренко, да и изложит по-свойски, серьёзно: «Общеизвестно, что неправильное истолкование причинно-следственной связи событий и явлений, является недопустимой ошибкой при осуществлении любого философского исследования. Более того, есть возможность именовать такого рода неверные истолкования рациональной порочностью. Несмотря на очевидность констатируемого нами факта, подобные ложные истолкования зачастую встречаются, как у мыслителей древности, так и в философских концепциях Нового и Новейшего времени. Порой даже, таким истолкованиям придаётся значение самоочевидной истины; не исключены также попытки освещения их автори-

тетом морали и религии». После чего остаётся только добавить: «В нынешних условиях глобального кризиса этического сознания, такого рода заблуждения носят исключительно опасный характер». Эта техника позволила Петренко за пару месяцев переделывать любой классический философский трактат в малопонятную, но весьма актуальную монографию. Была «Критика чистого разума» Канта – стал «Критический анализ мыслительных способностей индивида в постиндустриальном обществе». Таких шедевров, как оказалось, можно публиковать минимум пару в год. До публикации – пускать фрагменты на статьи, а сокращённые варианты статей использовать как тезисы для конференций. Творческое наследие Петренко росло. Только за последние пять лет – двенадцать монографий, сто пятьдесят статей, и около двухсот тезисов в различных сборниках. Притом что опусы никогда не оценивались коллегами с восторгом, внешне наблюдались признаки «учёного со всероссийским именем». Правда, с докторской вышла заминка. Уже готова была – толстенная, страниц на полтыщи. Да вот беда – опубликовал статью, где сравнивал мысли Плеханова и Бельтова, искренне не догадываясь, что «Бельтов» – псевдоним Плеханова. Осмеивали бурно, и после скандала нужно было подождать с защитой годик-другой, а пока продолжать активное творчество. И продолжал. Тема значения не имела. Старший Вершинин говорил о нём: «Акын какой-то... Что видит – о том пишет!».

Лекции Петр Никитович читал скучно, обстоятельно и со вкусом. Студенты прогуливали бы, да непременно делал переклички и отыгрывался на прогульщиках в сессию. Поэтому, услышав от тяжеловеса науки: «Впрочем, коллеги это всё хрень!», студенты замерли...

Привыкнув к нескладному телу Петренко, Вершинин поймал волну и продолжил, стараясь подражать его манере:

– Именно сейчас стоит обратиться к такой категории, как свобода в её этическом аспекте. Для наглядности, предлагаю вам сейчас смоделировать ситуацию. Я могу продолжать читать вам лекцию в академическом стиле, а вы, вопреки желанию скорее дождаться перерыва, слушать и конспектировать. Но возможна и иная модель поведения. Я, к примеру, могу, как внутренне свободный индивид совершить вместо этого этически сомнительный поступок. Вот...

«Петренко» схватил кусочек мела. На доске со скрежетом появилось слово «жопа». И три цветочка. В амфитеатре зашептались.

– Ваша реакция, несомненно, может быть охарактеризована, как удивление. Впрочем, ничему не следует удивляться. Вот, известно ли вам, что в молодости я мечтал быть оперным певцом?

Шёпот усилился. Вершинин, сжимая кулаки, чтобы не расхохотаться, принял картинную позу, и так противно и фальшиво, как только мог, басовито заблеял: «Сгустилась тьмаааааа... И в ээтой тьмеее полуно-чи... любвиии

сильне-е обаянье!...». Публика обречённо замолкла. Поймавший кураж Вершинин распоясался.

– Вернёмся к слову, которое вы видите на доске. Имейте в виду, что внутренняя свобода есть следствие категорического императива, и она абсолютно необходима начинающему философу! Попробуйте вместе со мной произнести это слово вслух! Жопа!

Зал безмолвствовал. «Петренко» стал дирижировать:

– Ну же! Смелее! Вы же молодые, свободные люди! Жопа! Жо-па!

Робкие голоса присоединились к доценту. Потом больше. Вскоре, заразившаяся энтузиазмом аудитория гремела в едином ритме. Вершинин понимал, что творит безумие, но удовольствие оказалось неопишным, и остановиться не было никакой возможности. Знал, что слышимость на факультете прекрасная. Но уже был на коне!

– Жопа! Жопа! Жопа! – зычный бас командовал массой.

– Жопа!!! Жопа!!! Жопа!!! – в экстазе скандировали студенты.

Через пару минут скандирование стало рассыпаться, а потом и совсем сдохло. В дверях амфитеатра ошарашенно кусала палец проректорша по учебной работе. За её спиной отчаянно суетились декан и профессор Давыдов. К чести Вершинина, он понятия не имел, что сегодня на факультете ожидалась проверка по линии ректората...

Вершинин как с цепи сорвался. Хотя работы прибавилось. Петренко с перепугу лёг в санаторий. Пришлось подменять. Свободное время уделял опытам. Освоил вторую технику – переход в помещение. Использовал её для вечеров в дорогих ресторанах и барах. Кутил в чужих теле-сах, сколько хотел, вернее, сколько позволяла наличность реципиентов. Определённую степень джентльменства соблюдал: оставлял на такси и непредвиденные расходы. Осмелел и освоил короткие «загранпоездки». Приятно часок-другой провести в Берлине или Амстердаме в теле туриста-одиночки! В местных не вселяться! – знакомые, родственники, коллеги – оно надо? Иногда позволял себе экзотику, вроде Лаласа. Что особенно приятно, своё тело в это время отдыхало. После пеших прогулок и возлияний, оказывался на диване трезвым и отдохнувшим. Естественно, утром не было ни малейших признаков похмелья, даже если за вечер было пиво в дублинском пабе, шнапс в эльзасском трактире и литр «Вдовы Клико» в роскошном ресторане в Шампани.

Малую родину также не обошёл вниманием. Полакомился хорошенькой соседкой с третьего этажа в теле её парня. Несколько разочаровался. Справляться с неродной физиологией непросто. Секс в чужой плоти нехорош. Зато позабавил совсем глупый эксперимент: вселился в соседского котёнка. Не без удовольствия погонял мячик, покувыркался. С наслаждением подрыхнул на мягкой перинке. На десерт

пописать на ковёр было и вовсе здорово! Подстава, конечно, но того стоило. Хотя больше экспериментов с животными решил не проводить.

Чуть было не решился попугать туристов в оболочке мумии жреца Петесе в Эрмитаже, или, лучше – Ильича в Мавзолее. В последний момент передумал. Шуму много. Да и мёртвых надо уважать. Тем более, кто знает, что за мракочуть прицепиться может.

Зато избавился от наглого быддяка-первокурсника. Всё элементарно. Вселился, публично нагадил под дверью деканата, демонстративно сжигая зачётку и студенческий билет. Дело бы и замяли, благо родители у гадёныша со связями. Но добрые люди, как водится, на мобильники снимали, в интернет выкладывали. Так что, не выкрутились.

Обнаружился приятный бонус, не предусмотренный в старорежимной книжке. Во время прямых трансляций вселяться можно. Целое поле для экспериментов открылось. Вершинин, когда охота была, помогал нашей сборной. То в теле английского вратаря пенальти пропустит, то в роли вражеского нападающего на штрафном грохнетя. Однажды в весёлом настроении влез в трансляцию «Щелкунчика» из Мариинки. Не куда-нибудь, в заглавную партию! Полминутки покружился в лезгинке вокруг оторопевшей Маши. На «Евровидении» главный соперник российской певички на решающем выступлении оказался совершенно невменяем. Тож не без вершининских штучек!

На самый яркий опыт принципиально отвёл только минуту – из соображений безопасности. В теле космонавта оценил ощущение невесомости. И, конечно – «Земля в иллюминаторе, Земля в иллюминаторе!!!». Несколько дней ходил окрылённый: мечта детства, да так легко, бесплатно и без усилий! Дал себе честное пионерское пару минут поучаствовать в ближайшей экспедиции на Марс, или, хотя бы, на Луну.

После Нового Года на кафедру вернулся отдохнувший Петренко. Похудел, лиричность какая то появилась. Меньше писал макулатуры. Даже признался, что принял за книгу «от души и для себя». Новая версия доцента Вершинину понравилась. Если какое то время выходка на лекции грызла совесть, то теперь улеглось. Тем более что два месяца подмен на петренковских лекциях и семинарах казались справедливой и достаточной платой за несколько минут хулиганства.

Алёна затеяла масштабный проект в Москве и надолго пропала. Как на грех, лаборантка ушла в декрет, и на ее место взяли другую. Валерия... Не красавица, но что-то в ней пронзительное. Вершинин искренне увлёкся. Как показалось, симпатия была взаимной. Лера от души звонко смеялась его шуткам. Легко перешла на «ты». Так же легко согласилась пойти на кофе. Вечер прошёл отменно. Сидели долго, болтали. Новая пассия смотрела с ласковой поволокой

в глубоких карих глазах. От комплиментов розовели щёчки. Попрощались поцелуем в щёку, но тепло.

Вершинин от души надеялся на развитие отношений. Но не тут то было. Такая же теплота и искренность, но ни шагу дальше. Обескураженный, он пытался понять, что делает не так, но, как ни старался, версии не появлялись. Вообще-то он любил «читать» настроение женщины, угадывать и предугадывать. Но теперь впервые появилась возможность сыграть в игру с «чит-кодами». Подавить искушение было невозможно.

В начале февраля решился. Вечером отправился в тело Валерии. Оказался на уютном диване в мягких лосинах и приятном пушистом свитере. Покрутился у зеркала. От души обрадовался стройности барышни, которую раньше видел только в строгой одежде. Понравилась со вкусом обставленная «двушка». Оценил набор книг и фильмов. Подозревал, конечно, в Лере хорошее воспитание и разносторонность. Подтвердилось. Приятно! Никаких следов присутствия кавалера не обнаружилось – ни мужской одежды, ни аксессуаров, ни фотографий. Тоже радовало. Вершинин не удержался заглянуть в холодильник. Порядок, свежие низкокалорийные продукты. Хорошо.

Приятные наблюдения прервал звонок мобильного на журнальном столике. Вершинин выработал кодекс обращения с чужими мобильниками. Если видел, что реципиенту звонит супруга, или ребёнок, немедленно покидал тело,

от греха подальше. Если определить статус звонящего было невозможно, не отвечал. При повторном звонке тоже возвращал тело хозяину – возможно, что-то срочное. Никогда не звонил сам. И прочее.

Слегка расстроился. Ещё не хватало из-за телефона прервать исследование! С другой стороны, узнаем, кто осмеливается звонить хорошенькой барышне после десяти вечера. Звонил Давыдов. Номер был обозначен в Валерином телефоне так же, как и в вершининском: «Давыдов кафедра». И Вершинин, вопреки правилам, на автомате принял вызов.

– Валерочка, добрый вечер! – растёкся сгущёнкой давыдовский баритон.

– Здравствуйте, Алексей Алексеевич!

– Милая, вы не забыли о наших планах на завтрашний вечер? Надеюсь, всё в силе?

– Конечно... Конечно! – Вершинин растерялся. Какие планы на вечер? Давыдов – он котяра ещё тот... И судя по тому, как смело поздно вечером телефонит юной коллеге, супруга в командировке. Ох, беда!

– Вы, милая, какое шампанское предпочитаете? – голос Давыдова потянул феромонами.

– На ваш вкус....

– Ну, что-ж, чудесно! Тогда, как договаривались! Ждите меня завтра в половине седьмого! До встречи, милая!...

– До завтра!...

Ночью не спалось. Вершинин злился. Что он нравится Валерии, не сомневался. Но, почему не продвигаются отношения, стало ясно. При всех достоинствах барышня не из тех, что отклоняют недвусмысленные предложения боссов. Кошачья натура Давыдова общеизвестна. Полагать, что он может прийти вечером в гости с шампанским, чтобы обсудить эстетику позднего Бунюэля, может только последняя дура. А на повестке далеко не глупая дама. Вершинин почти разочаровался. Карьеристов, а особенно юных карьеристочек не любил. Не считал себя высокоморальной личностью, но интим с начальством без любви дамам не прощал: приравнивал к проституции. Конечно, и обидно. Ни пригласить Валеру в гости, ни напроситься самому не получилось. А тут – поди-ж!... Вертелась и совсем нехорошая мысль: будь он по-прежнему «ректорским сынком», вопрос, чья бы масса перевесила – его, или давыдовская. Хотя, хорошо, что так. В принципе – хорошо! По крайней мере, будет теперь яснее понимать свою подлинную ценность в женских глазах!

Успокоиться бы, но пакостные идейки начали по кирпичику складываться... Раньше давыдовские кобелирования были Вершинину безразличны. Даже в душе нахваливал – молодец, мол, мужик, в его то годы! Теперь на первом месте было досадное чувство присутствия чужака на твоей территории. Отбивать Валерию мы, конечно не станем! Пусть ка-

рьеристочка живёт своей жизнью. Но, как, зная о завтрашних планах, и имея уникальную возможность, ничего не сделать?

Первое, что пришло в голову – заняться с Лерой любовью в теле шефа. Какое-никакое удовольствие. Гаденькое, но самоутверждение. Причём, с элементами прикола. Пускай Давыдов утром удивляется, что ничего не помнит, и не знает, как реагировать на ее реплики! А она пусть голову ломает, что было не так, если мужик на следующий день включает идиота. Но в тело шефа очень не хотелось. До брезгливости. Потом, кто его знает, как обращаться с тушей пятидесятих годов выпуска?!

Черт с ним с сексом! Ведь мечтал ещё недавно, искренне мечтал, от души – подарить очаровательной Валерочке незабываемый вечер! Мужик сказал – мужик сделал! Мечтал – вот и дари! Вершинин коварно улыбнулся...

Давыдов позвонил в дверь с образцовой точностью, как только часы пробили половину седьмого. Появился на пороге привычно осанистый и вальяжный. Вместо делового костюма уютный, но элегантный свитер. Не банальные розы, а маленькие разноцветные тюльпаны, подобранные с безупречным вкусом. Приятный мужественный парфюм. На физиономии приятельская и мудрая улыбка. В глазах одобрение. Понравилось, стало быть, изумрудное платье

чуть выше коленок. Поцеловал руку. Не разуваясь, прошёл с цветами и шампанским в комнату, как будто не в первый раз. Но, при всей уверенности держался не нагло. Даже приятно было. Валерино напряжение как рукой сняло. Кстати, на шампанское не поспешил – «Моёт». Если уж заводить служебные романы, то с такими милыми пожилыми львами.

Понятно, что приставания начнутся не сразу, и не грубо – этот себе и даме цену знает. Органично нашлась стартовая тема. Давыдов с видом знатока стал разглядывать японскую гравюру на стене. Научно-популярно и с милым юмором заговорил о японской живописи. Попросил разрешения закурить. Затянувшись ароматным дымком дорогой сигареты, окончательно расслабился. Непринуждённая поза, с которой он развалился в кресле, шла ему необычайно. Перешёл на синтоизм. Элементы, мол, пантеизма в синтоизме – неплохая, в принципе, тема для кандидатской. Нашёлся бы только автор! А что от автора требуется? Молодость, любовь к японской культуре, готовность к работе и открытость! А руководить такой темой любой будет счастлив! Гм-гм... В особенности, если соискатель – очаровательная юная леди. Валерия чувствовала себя совсем уютно. Уже ни капельки не жалела, что решилась. Алексей Алексеевич в приватном общении ещё милее, чем она себе представляла.

Через полчаса с небольшим Давыдов ещё более оживился. Рассказал анекдот-другой. Ох, психолог! Соль всех шуток – ниже пояса, но подборка мастерская, и преподнёс

ни чуточки не похабно. Вместо нехороших слова – милые литературинки. Главное – смешно до чёртиков! Валера поймала себя на том, что строит глазки совершенно искренне.

– Милая Лерочка! Просто удивительно, какой вы интересный человек! – Давыдов с восторгом лопал взглядом лаборантку. Ах, котяра! «Интересный человек» слова не прои́знёс за всё время! Льстит, но как умело!...

«Привет, Лерка!» – мысленно поздоровался Вершинин, оценивая обстановку. Берём барышню за руку. Мягко, осторожно...

– Лерочка, я неопи́сваемо уютно чувствую себя у вас в гостях! Поверьте, это не дежурная фраза! – кажется, получается изображать кошачью интонацию шефа.

– Алексей Алексеевич... Так приятно это слышать! – Валерия решила пока не отнимать руки. Даже слегка-слегка провела по ладони Давыдова пальчиком. Совсем чуточку.

– Милая, а нет ли у вас коньяка? – вдруг выпрямился весело улыбающийся Давыдов. Лера не подала вида, но слегка опешила. Нет, не может быть, чтобы всё свелось к банальному спаиванию!

Давыдов словно угадал.

– О, не волнуйтесь! Я вовсе не предлагаю вам перейти на крепкие напитки! Просто... Видите-ли, признаюсь, никогда не считал шампанское вполне мужским напитком... Я, должно быть, немного наглею... Но, я вами мне так просто! Не рассердитесь?...

– Конечно, не рассержусь! – улыбнулась, радуясь тому, что неплохой армянский коньяк в баре есть. Целый литр. Тем более, шеф был таким трогательным и милым, когда просил прощения. Хотя, коньяк мог бы и сам прихватить! Чёрт знает – не догадался, или не решился появиться на пороге с двумя бутылками? Не важно. Главное – ему уютно. И ей неплохо. Метнулась на кухню. Вот он – коньяк и дорогущий пузатый бокал. Натё!

– Нет-нет, дорогая, прошу вас! Не надо подвергать риску такую дорогую вещицу! Дайте, ради бога, самый простой стакан. И вообще, знайте, милая Лерочка, что я в повседневной жизни гораздо проще, чем на работе! Забудьте, пожалуйста, о кафедре! Сегодня – просто милая вечеринка добрых друзей.

Через минуту Давыдов уже любовался стаканом, наполненным на две трети.

– И, чтобы закрыть тему кафедры... За моё самое мудрое кадровое решение!

Лера, смеясь, чокнулась с Давыдовым. Тот с гусарской прытью хлопнул залпом. Даже не закусил, только закурил. Мужик!...

После второго тоста с таким же полным стаканом Давыдов принялся изучать книжную полку. Похвалил за чудесный выбор. Пообещал однажды показать свою библиотеку.

«Ну, размялись, а теперь убираем шасси!» – подумал Вершинин.

– Бертран! «Ночной Гаспар»! Какое чудо! – с восторгом воскликнул Давыдов, – Милая, да вашему вкусу позавидует кто угодно! Какая вещь! Какая чудная вещь!

Валерия смущённо улыбнулась. Давыдов полистал книгу. Полилась декламация с артистическим завыванием:

– Мало того, что в полночь – в час, предоставленный драконам и чертям, – гном высасывает масло из моего светильника! Мало того, что кормилица под заунывное пение убаюкивает мертворождённого младенца, уложив его в шлем моего родителя. Мало того, что слышно, как скелет замурованного ландскнехта стучается о стенку лбом, локтями и коленями. Мало того, что мой прадед выступает во весь рост из своей трухлявой рамы и окунает латную рукавицу в кропильницу со святой водой. А тут ещё Скарбо вонзается зубами мне в шею и, думая залечить кровоточащую рану, запускает в неё свой железный палец, докрасна раскалённый в очаге.

Лера заплодировала. Хотя ей и не очень понравилось, как шеф читает Тот приосанился. Поклон со скромным достоинством. Подошёл – чмок в ручку! Налил ещё стакан, почти до краёв.

– Если позволите, дорогая, ещё немного для вдохновения, и я прочту ещё один фрагмент... Только для вас!!! Как же здорово, что мы обнаружили такое совпадение вкусов!

Фужер снова приятельски столкнулся со стаканом. А Давыдов опять не закусил...

К середине бутылки он уже стоя прочёл взброс половину книги, и явно не собирался останавливаться... И не остановился. Белые стихи Бертрана ощутимо потянули армянским коньяком и неудержимым вдохновением старого льва. Валерия обречённо растянула улыбку. Что делать? Бум внимать! Хотя в половине двенадцатого хотелось чего-нибудь другого... Предпочтительно заснуть.

Через час, захлопнув, наконец, несчастного Бертрана, шеф приблизился. Нежный чмок в шейку.

«Слава богу, переключился!» – подумала бедная лаборантка. Хотя никаких ласк окончательно не хотелось.

– Милая, нежная! Замечательная моя девочка! – романтично проорал Давыдов, – Я хочу продолжать вас радовать! Хочу продлить это единение душ! Позвольте, вам и только вам я прочту теперь «Кортик» Рыбакова! Эта жемчужина так плохо оценена вульгарной публикой с точки зрения филигранности языка!

И направился к книгам. Лера едва не потеряла сознание. А Вершинин собрал всю волю, чтобы не захохотать.

– Нет, Алексей, Алексеевич! Если вы не возражаете, отложим «Кортик» до следующего раза! – Лера никогда так искренне не желала, чтобы Бог и гость непременно её услышали.

– Вы правы... О, как вы правы, моя драгоценная маленькая леди! – Давыдов одним прыжком оказался у дивана. Бух на колени! – Лучше стихи! Это вам, моя маленькая муза!

Только вам!!! Экспромт...

Тяжело посопев, романтически завыл:

– Вы так прекрасны, дорогая,

Прекрасны телом и душой,

И к вашим персям припадая,

Я делаюсь совсем немой.

Какая мука в сердце старом,

Любуясь на младую грудь,

Желать вам спеть, мой друг, с гитарой,

Как безо вас мне не заснуть!

Какая радость рядом стоя

Смотреть на ваш красивый нос,

Но я вас вовсе не достоин,

Я рядом с вами пёс Барбос...

И розы вашего дыханья

Я не решаюся испить

И предлагать вам лобызанья

Никак я не могу решить...

Валерия незаметно для Давыдова, больнёхонько ущипнула плечо – уж не сон ли?... Профессор не останавливался. Всё более причудливые и плохие вирши лились нескончаемым потоком. Наконец, разрыдался в голос, поцеловал ей ладонь, прижался щекой и замолк. Вариантов поведения у Леры не было. И ничего не придумывалось. Поэтому, когда Давыдов пыхтя поднялся («Простит ли меня милый ангел, если я оставлю его на минуточку?») и его туша тяжеломерно

направилась в санузел, она была готова перекреститься.

Минуточка продлилась около четверти часа. Лера мучилась. Где выход из ситуации? Можно встретить шефа в неглиже, потерпеть несколько минут физиологического абсурда и попытаться его убаюкать. Начала было развязывать поясок на талии, но не решилась... Намекнуть на позднее время? Обидчивость Давыдова общеизвестна. Что делать?...

А ничего! Замереть от ужаса! Профессор красовался в дверном проёме в одних трусах. И если бы в его глазах читался хоть намёк на похоть, это бы обрадовало Валерию. Но Давыдов был по-детски весел.

– Как же хорошо, как свободно я чувствую себя у вас, моя дорогая! Как дома, честное слово! Я даже в раковину пописал! Как у себя!...

– На здоровье, Алексей Алексеевич! – только и смогла вымолвить мученица.

– Эх! – залихватски оглушил Давыдов. И, взявшись за краешки трусов, исполнил совсем по-детски, даже по-девчоночьи, польку бабочку, сопровождая танец пением без слов тоненьким голоском. Ля-ля, ля-ля, ля-ля-яя!!! Ля-ля, ля-ля, ля-ля-яя!!! Ля-ля, ля-ля, ля-ля-яя!!!

Наконец, силы его покинули. Треснул ещё стакан коньяку. Сидит теперь у её ног и, что есть сил, обнимает колени.

– Валерочка, родненькая моя девочка! У тебя я чувствую себя самым собой!!! Не надо лгать, притворяться, напускать на себя серьёзность, лоск и значительность! Можно быть ве-

сёлым и свободным!!! – и со счастливой улыбкой громко пустил газы.

Около получаса ничего не происходило. Давыдов молча обнимал уже изрядно затёкшие ноги лаборантки. Потом встал, ни говоря не слова. Опять бредёт в санузел... Вернулся одетым. Со скорбной миной вызывает такси...

У двери церемонно поцеловал Лере руку. Обнял. Ну вот, вяло гладит попу. Зачем то укусил за ухо, противно его облюнявив.

Закрыв дверь, Валерия в изнеможении опустилась на пол. Господи, вот что это было?!...

В такси Вершинин хотел было дать профессорскому телу свободу, но душа требовала продолжения. Ключи от квартиры отыскались в барсетке профессора. Как и немалая сумма денег. Идея напрашивалась сама.

Получивший фантастические чаевые таксист милостиво согласился подождать, даже подсказал телефончик. Прибыли девушки по вызову. Вершинин долго выбирал, комментировал, шутил. Остановился на двух самых некрасивых. Собрался расплатиться. Нет, одну забракуем! Велел сутенёру привезти самую толстую. И постарше. Подождали ещё. Вершинин оплатил утехи до полудня. А шофёр получил ещё прибавку за терпение. Вскоре пенсионерка-соседка с удивлением смотрела в дверной глазок, как профессор заводит

в квартиру двух удивительно некрасивых непотребного вида дам, похлопывая по задницам.

В квартире Вершинин дал девочкам по червонцу сверху. В спальне разделись. Вершинин нашёл профессорский бар, и вскоре в опочивальне старого повесы оказалось почти всё содержимое. Угостил девчонок, покурил, стряхивая пепел на пол. Выдул залпом поллитровку коньяку. По его настоятельной просьбе девочкам пришлось немедленно лечь с ним, обнимая с двух сторон. Сделал три глубоких вдоха и сконцентрировался...

Давыдов проснулся около одиннадцати. В полудрёме удивился сильному перегару и дурноте. Обнял Валерию. Потом вторую Валерию. Запоздало удивился. Что было-то вчера вечером? Открыл глаза. Пришлось удивиться уже не количеству, а качеству Валерий. Хотел было разбудить. Но тут в дверь позвонили. Один длинный, один – короткий. Так всегда звонила жена.

**

Вскоре эксперименты стали надоедать. Настроение не соответствовало. Обстановка на кафедре сделалась неудобной. Давыдов испортился. Резко постарел. Стал мнительным и неразговорчивым. Ко всему придирался и по возможности портил всем настроение. Валерия уволилась, и на её место взяли вечерника. Вершинину он сходу не понравился: пухлый очкастый подхалим, неестественно улыбающийся, всем

говорящий медовые приятности. Брр! Кирпича просит...

Коллеги становились всё холоднее с бывшим «сыночком». Алёна по-прежнему не появлялась. Других историй в личной жизни не возникало, как заклинило. Весна оказалась повторением поздней осени: дождливая, скучная, серонебая. У Вершинина, не выносившего такой погоды, начиналась весенняя депрессия. Не хотелось шуточных выходов, заграничных, и даже космических полётов, и вообще ничего. Соскучился по прежней, размеренной жизни, где было не калейдоскопическое безумие, а некоторая размеренность. Без чудес и сверхспособностей. Не роскошь европейских ресторанов, а пара котлет с макаронами под вечерние новости и простую русскую водочку с солёными огурчиками. И безопасней, и намного вкуснее, если уж честно.

Как-то в субботу утром проездом заскочила на часок двоюродная тётка из глубинки. Привезла гостинцы: кучу мясных вкусностей, сало, соленья – всё собственного приготовления. Вершинин твёрдо решил устроить русское застолье вечером после лекции. Купить водочки и чёрного хлеба. На обратном пути выяснилось, что оставил дома кошелёк. Скорым шагом пошёл домой. Вернуться бы в магазин с деньгами, да тут же на улице громыхнуло, и закатил стеной мерзейший холодный ливень.

Портить вечер было совершенно немислимо. Но и выходить не хотелось. Решение придумалось сразу. Стасик! Главный в доме алкоголик. Вот пусть и идёт! Улыбнувшись,

Вершинин переоделся в домашнее. Пятисотрублёвку можно спрятать у двери под половичком. Дверь оставил незапертой. Диван. Привычная поза.

Во рту вскочил вкус перегарищи. Давно Вершинин так скверно не чувствовал себя в чужом теле. Последний раз было плохо, когда в Марселе оказался в пожилом астматике. Но тогда через пару минут смылся. А теперь ради хорошего ужина придётся потерпеть четверть часа. На удачу, Стасик был сносно одет – в треники и старую клетчатую рубашку, застёгнутую на одну пуговицу. Найдя в замызганном коридоре потёртое пальтишко, нацепил. Теперь – за добычей. По пути забираем купюру из под половичка.

Под ливнем сообразил, что ничего не выиграл. Мог бы и сообразить, дурак, что на чужой шкуре всё, как на собственной. Съёжился. Семена, утешил себя тем, что сушиться не придётся. Да и простудится, если что, Стасик. Когда пробежал мимо беседки, окликнули. Здоровенный грязный алкаш махал рукой:

– Стасян! Загордился?! Зайди, поздоровайся!

Пришлось заскочить в беседку.

– Брагу бабкину будешь? Угощайся! – амбал щедро протянул едва початую пластиковую полторашку с мутной, не внушающей доверия жидкостью, – Да ты что, сука, кривишься?! Брезгуешь, сука?!

Вершинин понял, что отказ означает приятельский мордобой. И будет больно. Да и Стасика жалко. И в кому впасть

не хочется. Мало ли чем грозит... Преодолевая отвращение, добросовестно отхлебнул три больших глотка кисло-сладкой бурды, воняющей одновременно спиртом, дрожжами и уксусом. Мысленно порадовался, что скоро окажется в своём теле, всё таком же здоровом и проголодавшемся к ужину. И мерзкий вкус исчезнет. Пошарил по карманам. Сигареты без фильтра и спички. Всё-ж лучше, чем совсем без закуски! Покурили с братаном, за жизнь побазарили, кажется, роль сыграл убедительно. Когда амбал слегка обмяк, Вершинин, наконец, пошатываясь от необычно нездорового опьянения, потопал в магазин. Благо ливень ослаб. Купил, что хотел. Даже Стасику почти стольник сдачи остался в благодарность за услуги. Радуюсь скорому освобождению из нехорошего тела, Вершинин пулей влетел в подъезд. Кулёк со снедью лучше было оставить в тёмном углу. Перепрыгивая через ступеньку, поспешил в квартиру Стасика.

Ну вот. Сейчас вся эта мерзопакость кончится, и будет вкусный русский народный ужин под хороший фильм. После похода в теле Стасика, желательно – под комедию. Три глубоких вдоха, концентрация...

И ничего...

Три глубоких вдоха, концентрация...

И ничего!!! Во рту так же пахнет вчерашним перегаром, сегодняшней брагой и скверным табаком. Он сидит мок-

рый, как уличный котяра, на ободранном допотопном пуфике в прихожей. И в Стасике!!!

Третья попытка, четвёртая... двадцатая... И ничего!!!
Остановить панику! Думай!... Думать в теле алкаша со стажем трудно. Брага мутит мозг.

Пока версия одна. Ну, не знал французский католик девятнадцатого века о свойствах русской бабкиной браги начала двадцать первого. Не его вина, что не предупредил. Так. Оптимистический вариант. Ждать когда отпустит немного и пробовать опять. Пессимистический: после бабкиной браги это навсегда. Стоп! Остановить панику! Сначала убедиться в том, что оптимистический сценарий не работает, потом соображать дальше, а пока – успокоиться!

И тут совсем похолодел, стало нехорошо. Вторая версия – совсем жуткая! Дверь то не запер! А если что-то с тем, диванным Вершининым?!!! Почему, почему, идиот, дверь не запер?! Хотя... Вот и здорово, что не запер! Умница! Теперь успокоиться и к себе. Впервые за много лет Вершинин перекрестился. Выноси, Господи!

На два этажа вниз. Спокойно! Дверь, по крайней мере, не открыта. Прихожая. Никаких следов чужого присутствия. Дальше! На диване он – Вершинин. Выноси, Господи! Пульс, дыхание в норме. Спасибо, Господи!!!

И тут...

– Эу! Ты что здесь делаешь вообще?!

На пороге – Алёна. Ничего себе – вовремя...

– Ты кто вообще такой, мужик?! С Мишкой что?! – и за рукав – хватать! Огонь девка!

– Я это... Сосед. Тут это... Сплохело слегка, просил подежурить...

– Ты что триндишь, чмо бухое?! – Алёнку не наколешь. Метнулась в подъезд – Соседи!!! Держи грабителя!

Вот уж, если не везёт по жизни, так не везёт! В другом доме соседи бы только крепче заперлись, услышав истошные вопли дамочки. А у нас тут на лестничной клетке в одной квартире старая идейная большевичка. В другой – советский полковник в отставке; настоящий офицер и мужик. Вершинин так и представил себе, как они вскакивают и решительно отправляются на помощь. Ох, заткнуть бы Алёнку!... А та уже выбежала в подъезд. Как трудно пытаться сориентироваться, не выходя, на всякий случай, из роли! Догнал на лестнице, хватать за знакомые плечи чужими руками!

– Сеструха, ты, это... Не кипишись! Не грабитель я!

А она ногтями – чирк! – по лицу. Эти ногти спина Вершинина знала хорошо. Как через минутку похорошеет рожа Стасика, он прекрасно мог себе представить. Инстинктивно оттолкнул. Алёнка не удержалась на высоких каблуках. Вот она кубарем катится через два пролёта. Господи! А за спиной уже движение. Крепкие руки соседа схватили сзади. Слышен голос соседки: бежит вызывать милицию. Сосед умнее: «Виктория Фёдоровна! У вас же сигналка! Жмите на тревожную кнопку! Эти быстрее приедут!». Уж это мы знаем.

Охранная часть всего в квартале.

В своём теле вырвался бы из рук соседа. А хлипкий потрёпанный Стасик – что заяц в волчьей пасти. Мимо пробегает соседка – вниз, к Алёнке.

– Ой, господи! Да у неё голова разбита! Я – в скорую!

Бежит обратно. Слышно, как она прерывающимся голосом визжит в трубку. Опять куда-то несётся.

– Анатолий Дмитрич! Я опять – в скорую! Миша – ноль реакции!!! Угробил, дуралей пьяный! Двоих угробил!

Снова истошные вопли в телефон. И твёрдые быстрые шаги снизу. Кто бы сомневался, что придут быстро. Ну, вот и попались вы, Стасик да Вершинин!

В обезьяннике били. Сильно. Ночью тело ныло – чужое, неприятное, слабое тело.

На допросах настаивал, что ничего не помнит. Это – единственная возможная тактика. Если, даст Бог, получится вырваться из Стасика, он таки не будет помнить. А если не получится – спешить некуда. Подумаем. Уж «вспомнить» – никогда не поздно. Плюс ситуации один. Чтобы бежать отсюда, не нужно делать подкопа, пилить решётки. Просто выйти из Стасика.

Когда последние признаки похмелья выветрились, ещё несколько раз попробовал. Ничего не выходило. Видно крепко доморощенная сивуха засела в организме. Ладно. Не рас-

стреляют. А там – посмотрим.

На другой день перевели в городской СИЗО, где было теплее. Вершинин чистил организм. Отказывался от сигарет, когда их предлагали алкашу-оборванцу сердобольные сокамерники. Старался пить больше воды и чаю.

На душе было мерзко от осознания содеянного. Горячо хотелось знать, что с Алёнкой. Менты темнили. Понятно, что жива, но насколько тяжкое состояние – молчат. И не спросишь: как спросить, если, вроде как ничего не помнишь? Шили дело пока что широкими стежками – два покушения на убийство и попытка ограбления. Страшно было ничего не знать о диванном Вершинине. Лежит сейчас где-нибудь в анабиозе, и врачи ломают голову о причине. Или, что хуже, капают какую-нибудь ерунду в вены. А как она подействует на организм – поди знай! Так что вырваться из Стасика это полдела. Не факт, что в себя вернуться получится. А и то: так надолго он себя не покидал никогда. И последствия непредсказуемы. Может, висит уже его, вершининская, фотография в холле факультета – с чёрной ленточкой. А он на ней такой милый и улыбочивый. И коллеги, сталкиваясь в холле, качают головами: мол, ужас какой! – такой молодой и красивый! И, надо же, какая судьба: отец и сын, оба, меньше, чем за год! А ещё говорят, снаряд дважды в одну воронку не падает... Философия, коллеги! Философия!

А ещё стыдно было, что, несомненно, подставил Стасика. Да и где теперь этот Стасик? В книге ни слова не было о том,

где обретается душа хозяина тела, пока ты в нём. Месяцы экспериментов прояснили одно: после одержимости реципиент ничего не помнит.

В первый понедельник апреля – маленькая радость. Подвижка. Прилёг на нарах, подышал подольше, сконцентрировался. Знакомое белое марево и шум в ушах. Но потом, душа, как за метровую резинку привязанная, шарахается обратно в Стасика. Такое раньше бывало, когда Вершинин ошибался в местоположении реципиентов, или действовал наугад. Значит, Стасик больше не держит. Проблемы с пунктом назначения. Если жив диванный, а теперь, возможно, коечный, или могильный Вершинин, то Бог знает, где он. Решился на то, что всегда отталкивало. Надо рассуждать логично. Если помер – скорее всего, похоронили рядом с отцом. А уж, где могила отца – это мы, братцы прекрасно помним! Храбрости набирался до вечера. Снова «эффект резинки»! Значит, одно из двух: или жив, или в трупиков, граждане, вход строго воспрещён. То есть – в познавательном плане результат нулевой.

В конце недели, слава Богу, добилась свидания с непутёвым сынулей Нина Борисовна, мама Стасика. Плакала, обнимала. Журила, но не как за преступление, а как за очередную лишнюю поллитру. Уж слишком привыкла переживать за сына. Почти давясь, по существу, чужими гостинцами, а не есть было нельзя, чтобы бедную «маму» не обидеть, Вершинин слушал, жадно слушал. Алёнка жива. Черепно-моз-

говая травма. Дней восемь не приходила в сознание. Нина Борисовна, ангельская душа, ясное дело сама каждый божий день в больницу бегала. С мужем Алёнкиным познакомилась: он там безвылазно торчал, «приятный такой мужчина, расстроенный, аж смотреть страшно!». Вот вам и на грани развода! Сейчас, вроде, поправляется, «и слава Богу! Душегубства хоть тебе в вину не поставят». Но это при одном условии: «если Мишенька, сосед, из комы тоже выйдет. Пока врачи только руками разводят. Уж как ты его... Никто и не поймёт толком. А ты, башка твоя пьяная, не помнишь ведь!». И заплакала: «соседям и раньше в глаза смотреть было стыдно, а теперь...».

– Где Мишка-то лечится? – Вершинин почувствовал, с какой тревогой и надеждой колотится чужое пропитое сердце. Выдержало бы!

– Тебе оно на кой? – «мама» вытерла слёзы, – Хорошо сказал, «лечится»! Лежит деревяшкой, а не лечится!... В этой... В неврологии.

– В какой?

– Вот завёлся, непутёвый! В четвёрке, на Ковалевской.

Ну, прощай, СИЗО!!! От души обнял «маму». Она уткнулась в грудь и опять – давай плакать... Пусть плачет. Есть о чём. Да и сам заплакал втихую...

Внезапно пришедший в сознание в наилучшем располо-

жении духа и космическом самочувствии пациент Вершинин окончательно поставил в тупик врачей, и так пребывавших в полном недоумении относительно причин комы. Сустились. Носились вокруг него всем отделением. Взяли все возможные анализы. Раз десять измерили давление и температуру.

В это же время медицинская суэта происходила и на другом конце города. В тюремной больнице врачи кололи лошадиную дозу успокоительного заключённому Мухину Станиславу Олеговичу. Совсем с ума съехал мужик! То больше месяца ничего не помнил о преступлениях, в которых подозревался, а теперь, видишь-ли, вечером вскочил с койки, стал в панике бегать по камере, кричать. Сокамерников не узнавал, охранников тоже. Всё голосил: «белочка, люди добрые, белочка!!!».

Вершинина для порядку и в интересах науки ещё недельку подержали в больнице. Навещали обрадованные коллеги. Кажется, снова полюбили! И почему для любви окружающих надо быть либо сыном большого человека, либо кандидатом в покойники? Давыдов приходил с дорогими отборными фруктами. Он показался Вершинину каким-то очень тёплым и трогательным. Говорил много хорошего. Даже прослезился. Петренко тоже примчался. Был глубокомысленен и слегка загадочен. Всё повторял, что Вершинин теперь – философ больше, чем они все, понеже побывал ка краю вечной бездны. Вывод, однако, сделал препохонный: пора пи-

сать докторскую. Милые, по-своему добрые, по-своему забавные люди!... Как то стыдно теперь было за пакости, которые он им устроил, без особых поводов. Слава Богу, обошлось!

Теперь уже всё обошлось!

Снова дома, и к лешему дурацкие опыты! Через «не хочу» прибегнул к технике одержимости только дважды – ради благой цели. Сначала воспользовался телом начальника следствия. Велел подчиненным составить Стасику обвинительное заключение помягче. Потом поработал ангелом-хранителем в теле председателя областного суда: в коридорчике шепнул судье, который должен был рассматривать дело, чтобы не губил парня.

Был Вершинин и на судебном заседании как один из потерпевших. Поскольку сам всю кашу и заварил, а к телу Стасика в своё время почти привык, чувствовал странное раздвоение. Естественно, дал самые благоприятные для алкаша показания: мол, пришёл домой с лекции, переоделся. В дверь позвонил подсудимый – просил денег на опохмел. Конечно, дал по-соседски. Назвал сумму. Заметил, что адвокат удовлетворённо кивнул – сумма совпадала с найденной в кармане пальто подсудимого при задержании. Затем, мол, неожиданно почувствовал недомогание, попросил соседа не уходить, прилёт. Очнулся в больнице. Уверен на все

сто, что гражданин Мухин не имел никаких преступных помышлений. Парень пьющий, но добрый. Из квартиры ничего не пропало. Так что не имеет претензий и просит проявить снисхождение.

Алёнка пришла в суд с мужем. Слегка подурнела и располнела. На Вершинина и Стасика старалась не смотреть. Её показания были тоже на пользу подсудимому. Пришлось признать, что заблуждалась, относительно целей пребывания Мухина в квартире Вершинина. Понапрасну подняла шум и панику. Лицо расцарапала. В общем-то тоже зла не держит. Не удержалась, добавила, что после происшествия восстановилась семья. Даже всплакнула. Растроганный Вершинин тут же удалил её номер из телефона.

Соседи побранивали Стасика за пьянство, но тоже в один голос говорили, что парнишка – добрый и безобидный. А мать – вообще святая женщина, побольше бы таких! Так что намекали, как могли на снисхождение.

Адвокат настаивал на невменяемости. Заключение врачей однозначное – парень не симулирует. Амнезия налицо. Сидел на кухне, потом очнулся в камере. Другое медицинское заключение однозначно свидетельствует, что никаких следов физических повреждений и какого-либо внешнего воздействия у потерпевшего Вершинина не обнаружено.

Сам Стасик был незаметней всех. Ошарашенно моргал, на вопросы отвечал: «не помню», да «не знаю». На констатацию невменяемости судья не решился. Квалифицировал

причинение тяжких телесных по неосторожности. Памятуя о рекомендациях председателя, сделал вид, что не заметил отягчающего обстоятельства – состояния опьянения. Стасику улыбнулось наказание по низшему пределу. Вершинину только оставалось через полгода совершить ещё пару чудес с правоохранительными телами, чтобы Мухина условно-досрочно освободили за примерное поведение.

Годовщину смерти отца Вершинин мечтал отметить в одиночестве. Конечно, не получилось. Университет устроил торжественное заседание в актовом зале и пышные поминки. На фасаде главного здания установили мемориальную доску. Густо многословил новый ректор, Чугунов. Вообще было много речей.

Студенческий хор не без греха исполнил первую часть «Stabat Mater» Перголези. Студент-старшекурсник, активист до противного и неизменный участник всех торжественных мероприятий с надрывом прочёл стих собственного сочинения. Явно подражая Маяковскому, призывал всех, и университетскую молодёжь, в особенности, «дела вершить по-вершинински!». Пожилые коллеги смахивали слезу. Чугунов мудро и скорбно кивал в такт рубленному ритму. Впрочем, выражение его физиономии подсказывало, что он уже пригрелся в главном кресле, и дела должны вершиться по-чугуновски.

Вершинин вернулся домой затемно, отчасти растроганный, отчасти расстроенный. Включил телевизор. В разгаре была прямая трансляция Генеральной Ассамблеи ООН. Президент Обама менторским тоном говорил об опасности России для мирового порядка. Вершинин с раздражением закурил.

А здорово, если бы господин президент сейчас на полминутки умолк под непонимающими взглядами зала. Потом снял бы галстук, заявил бы, что всё вышесказанное – полная хрень. Покаялся бы по поводу имперских амбиций своей страны. Признался бы, что Штаты финансируют террористов, устраивают революции и повсюду шпионят. Призвал бы соотечественников и вообще весь Запад пересмотреть систему ценностей и внешнюю политику. Извинился бы перед всем миром, заявил бы об отставке. И, рыдая, побежал бы в уборную... Конечно, домашнюю заготовку нашего президента это похоронит, но, похоже, он вряд-ли расстроится...

Почувствовал лёгкое головокружение. Встал. Порылся в кармане. Вот она – пятирублёвая монета! Взлетает вверх от щелчка большого пальца. Вершинин зажмурился...

Монета с приглушённым стучком падает на ковёр. Он стоит посреди комнаты с закрытыми глазами. Политическая судьба мира лежит перед ним в виде металлического кружочка. Меньше десяти центов по курсу, кстати о птичках...

Что-ж! Если решка, никакой больше техники введения

в одержимость! Разве что в самых крайних, архиважных случаях и с доброй целью. А если орёл... Хватило бы знания английского. А уж дури хватит, будьте спокойны!

2015 г.

Человек-вертолёт

Повесть Герберта Уэллса

Перевод с английского Н. А. Кравцова

Глава 1

Шведская пациентка

Редко кому доводится случайно отыскать зенитное орудие в пригодном для стрельбы состоянии. Но мало кто из немногочисленных счастливцев был столь же рад этому обстоятельству, как покойная фрёкен Хильдур Бок из Стокгольма.

Я познакомился с фрёкен Бок в своей психиатрической лечебнице в Йоркшире, где она проходила курс интенсивного лечения после постигшего её тягчайшего нервного потрясения. История, рассказанная мне фрёкен Бок столь невероятна, что наверняка вызовет у читателя сомнения, тем более оправданные, что рассказчица находилась в состоянии весьма ограниченной вменяемости. Её сбивчивый рассказ поминутно прерывался требованиями крепких сигарет и долгими перекурами. Также она просила держать ставни на окнах наглухо запертыми. А, когда во дворе лечебницы мистер Парсонс, один из моих сотрудников, попробовал испытать новейшую бензиновую газонокосилку, её слабо доносившееся жужжание привело мою пациентку в такой неопишуемый ужас, что только добрая инъекция нембутала и ледяная ванна позволили немного привести её в чувство. Однако история эта столь необычна, что я всё же решился вынести её на суд читателя, тем более, что некоторые обстоятельства, несомненно, подтверждаются статьями из стокгольмских га-

зет, выходявших во время описываемых событий.

К примеру, эта заметка из ежедневного обозрения «Стокхельмер», которую я привожу здесь целиком:

«ЧТО ЭТО: ЛЕТАЮЩИЙ БОЧОНОК, ИЛИ НЕЧТО ДРУГОЕ?»

Весьма странный предмет в последнее время летает над Васастаном. По сообщениям очевидцев, за последнее дни часто появлялся некий летающий предмет, с виду схожий с пивным бочонком. Впрочем, некоторые из очевидцев утверждают, что его очертания напоминают человеческие. Загадочный предмет издаёт звуки, напоминающие звуки мотора. Обыватели также в шутку называют его «человеком-вертолётom». Военные не исключают того, что речь идёт о некоем небесном шпионе, посланном врагами Королевства с целью внести сумятицу в ряды подданных, посеять панику и помешать нашему Отечеству последовательно проводить политику военного нейтралитета, что особенно вероятно в ситуации, когда в Европе назревает угроза новой большой войны. Тайна этих полётов должна быть раскрыта, а неопознанный объект – пойман. Если он действительно окажется шпионом, его необходимо передать для расследования в руки Королевской контрразведки! Кто раскроет летающую тайну Васастана?»

Глава 2

Несчастный отец

Всё началось с того, что однажды вечером в дом фрёкен Бок постучался высокий господин средних лет. Можно бы добавить, что незнакомец был настолько белокур, что в его волосах была почти не видна проседь. Однако, почти все шведы этого возраста таковы.

Нельзя сказать, что фрёкен Бок была рада неожиданному посетителю. Он только что приступила к готовке своих любимых острых фрикаделек и вовсе не была настроена на разговоры. Тем более что, пока варился острый соус, фрёкен Бок заинтересовалась заметкой в вечерней газете, которую мы впоследствии обнаружили:

«ЗАГАДОЧНАЯ ГИБЕЛЬ ВЕЛИКОГО МЕДИКА

Минувшей ночью в районе Ботанического сада был обнаружен труп мужчины со следами насильственной смерти. Тело нашёл местный безработный, некто Бергсон. Прибывшая на место происшествия полиция приступила к осмотру тела. Во внутреннем кармане покойного были обнаружены документы на имя Августа Стриндберга.

Увы, дорогие читатели! Речь идёт о нашем великом и почтенном хирурге господине Августе Стриндберге, который пользовался неизменной любовью и уважением соотечественников. Трагическая смерть господина Стриндберга

тем более печальна, что, как известно, доктор был помолвлен с несравненной примадонной Королевской оперы фрёкен Юлией Обухсен, и свадьба счастливой пары должна была состояться ровно через месяц.

После того, как тело несчастного доктора Стриндберга было доставлено в морг, коронер провёл тщательный осмотр, в ходе которого выяснилось, что смерть наступила, без всякого сомнения, в результате падения с весьма большой высоты. Это обстоятельство удивительно, поскольку в месте нахождения трупа нет настолько высоких зданий, падение с крыши, или из окна которых могло бы вызвать такие повреждения.

Любопытно и то, что обнаруживший труп бродяга Бергсон божился, что ещё за три минуты до нахождения тела, он проходил в том же месте и никакого трупа не видел. Вдобавок, перед тем как он сделал страшную находку, ему, якобы послышался в небе мерный гул мотора и пронзительный крик. Впрочем, упомянутый Бергсон, как выяснилось, склонен к пьянству, и полностью доверять его показаниям не представляется возможным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.